

Однако самое главное достижение состоит в том, что Игорь Иртеньев стал любимым поэтом многих тысяч любителей поэзии. Его стихи, насыщенные тонкой иронией, которая представляет собой волшебный сплав грустного и смешного, узнаваемы. Достаточно лишь один только раз прочесть их или услышать в исполнении автора, чтобы запомнить авторскую индивидуальность, чтобы ни с чем в дальнейшем не перепутать. Так что к своим пятидесяти годам поэт добился самого главного — не только приобрел неповторимое поэтическое лицо, но и запечатлел его в сознании современников.

— К мысли, что мне уже пятьдесят, я начал привыкать с начала года. Как только куранты пробили 12 раз, началась внутренняя психологическая подготовка. Расчет оказался верным, так что теперь никаких особых потрясений я не испытываю. А вот когда мне исполнилось сорок, примерно неделю спустя, я вдруг проснулся в слезах, это для меня было страшным потрясением: мне уже сорок! Эта мысль ко мне пришла во сне, когда я был абсолютно беззащитным. А потом все это как-то устаканилось.

— Раз ты так спокоен, то рискну задать тебе вопрос о том, удалась ли жизнь.

— Такие вопросы задают девяностолетним юбилярам. Но если уж ты так настаиваешь, то скажу откровенно — удалась. Детство у меня было тяжелое, но хорошее. Потом были средняя школа и плохой институт. Вообще-то каждый из нас был хорошим, но когда мы встретились, оказалось, что мы не созданы друг для друга. Это был Ленинградский институт киноинженеров, где я, человек гуманитарный, учился на механическом факультете. Диплом мне, правда, дали. И потом, после армии, которая у меня тоже удалась, 20 лет прослужил механиком на Шаболовке. До 84-го года таскал по всей стране всевозможную киноаппаратуру, которая раньше в отличие от нынешней была гораздо основательнее и тяжелее. Она мне снится до сих пор. Думаю, и сейчас с закрытыми глазами смогу зарядить кассету.

— А как же начал писать стихи?

— У меня однажды ночью болел зуб, и я от отчаяния начал наборматывать какие-то стихи. К утру у меня и зуб прошел, и стихотворение сложилось. Таким образом я стал вначале себе, а потом и другим заговаривать зубы.

— С чем ты связываешь популярность иронической поэзии?

— Ирония — это неотъемлемое свойство

яснять, почему в конце восьмидесятых пропало мыло.

— О чем ты говоришь! Тут до завтра бы дожить!

— Это в связи с окончанием тысячелетия? Или в связи с пятидесятилетием?

— При чем здесь это? Просто любому творческому человеку смешно представить себя через большой временной промежуток. Нельзя писать с оглядкой на вечность. Это по меньшей мере не скромно.

— Разграничиваешь ли ты два рода своей деятельности: печатание стихов в журналах и выступление с эстрады?

— Это, безусловно, разная работа. Но, думаю, что я остаюсь самим собой и там, и там. Единственное отличие: выступая на публике, выстраиваешь программу с тем, чтобы соот-

В России движение времени подчинено совершенно безумному, не признающему никакой логики закону. Совсем недавно в коллективном сборнике «Молодая поэзия - 89» дебютировал «молодой поэт» Игорь Иртеньев. И вдруг выясняется, что Иртеньеву 25 мая исполняется 50 лет. За сравнительно короткий срок выбравшийся из «советских запасников» поэт успел многое.

Опубликовался практически во всех периодических изданиях. Перевелся на несколько европейских языков.

Показался по всем телевизионным каналам. Выступил как в крупнейших столичных концертных залах, так и в бесчисленных городах и весях не только нашей бескрайней Отчизны, но самых разнообразных странах, где есть хотя бы один понимающий по-русски слушатель.

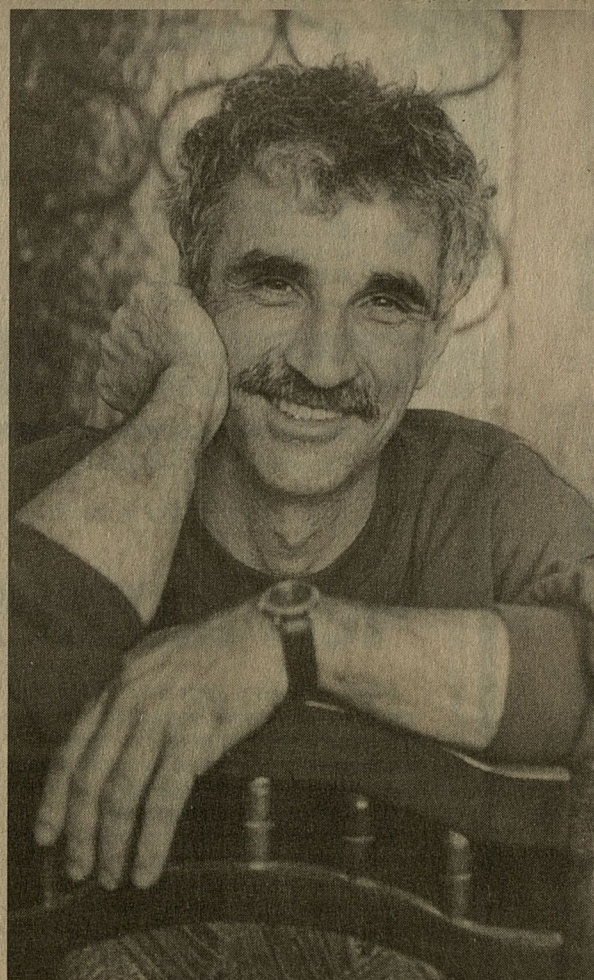
Издal несколько поэтических книг. Стal главным редактором иронического журнала Жванецкого «Магазин».

А уж сколько было съедено, выпито и истрачено на метро, поезда, пароходы и самолеты, никакому учету не поддается.

все это закончится и можно будет уехать. И вдруг вваливается бригада скорой помощи — в зеленых халатах, с чемоданчиками в руках. Говорят, что очень любят мои стихи и дарят букет цветов. И тут же они уехали по вызову. Это было необычайно трогательно.

— Узнаваемости человека сильно способствует телевидение. Видать, не зря ты 20 лет аппаратуру таскал, теперь тебя телевидение на руках носит.

— Ну это ты слишком сильно сказал, но снимаюсь довольно много. Хотя в последнее время стараюсь по первому зову не бежать, потому что далеко не во всех передачах мне хотелось бы появляться. Постоянно снимаюсь в передаче Виктора Шендеровича, которая недавно появилась. Называется «Итого» — это пародия на информационную программу «Ито-

что подрастает новое поколение, которому вся политика совершенно по фигуре. Это очень важно, потому что чем политически пассивнее молодежь, тем лучше. Активность молодежи, которую политики на что-нибудь наускивают, приводит только лишь к потрясениям.

— Где тебе приятнее печатать свои стихи?

— Честно скажу, в журнале «Магазин». Но вообще-то, у меня уже довольно давно не было свежего непосредственного чувства от поэтических публикаций. Ощущения притупляются, когда давно работаешь и печатаешься. Но сейчас у меня большой душевный подъем по поводу того, что вся Москва заклеена рекламной молокой «Иван Поддубный» с моими стихами. Мой друг Андрей Бильжо — один из участников проведения рекламной кампании Останкинского молочного комбината. Он придумал образ Ивана Поддубного, а я написал текст: «Не зря Поддубный крутит ус, знать, по душе пришелся вкус!». «Пью с утра и в ус не дую, что и вам рекомендую.» Это пока не пошло. Я начал вполне понимать Маяковского, который работал в этом жанре. Это ни с чем не сравнимое ощущение, когда твои тексты, помещенные на огромных щитах, становятся элементом городского пейзажа.

— Небось, заплатили страшные деньги?

— Могли бы и больше. Спасибо, что вообще платят.

— Лет десять назад восхождение на литературный олимп твоего поколения началось с легендарного клуба «Поэзия», в котором какой-то отрезок времени ты президентствовал. Удалась ли коллективная судьба клуба?

— Думаю, да. Сейчас эти люди задают тон в нашей литературе: Дмитрий Александрович Пригов, Тимур Кибиров, Лев Рубинштейн, покойная Нина Искренко, Сергей Гандлевский, Виктор Коркия, Александр Лаврин, Николай Байтов, Света Литвак... Очень многие, всех не перечислить. Даже эмигрировавшие не пропали для нас. Например, недавно в «Знамени» опубликована подборка стихов Александра Бараша. Если есть у человека талант, то что же может ему помешать находиться в литературе? Зарабатывать, да, трудно. Это не всем удается. Да это и ненормально, когда поэт зарабатывает на жизнь стихами, как это было в советское время.

— Иван Жданов собирается возвращаться в родную сибирскую деревню, не в силах далее выдерживать московскую гонку.

— Ну что тут скажешь. Это замечательный поэт. Будь моя воля, я бы дал ему государственную стипендию, сделал бы его национальным достоянием. Грустно... С другой стороны, нало-

НА ВЫСТУПЛЕНИЕ ИГОРЯ ИРТЕНЬЕВА ПРИЕХАЛА БРИГАДА СКОРОЙ ПОМОЩИ

любой настоящей литературы.

— Настоящей современной или настоящей в более широком смысле? Скажем, у Гомера особой веселости я не заметил.

— Я подозреваю, что из его текста спустя несколько тысячелетий или иронии мог улетучиться. Допускаю, что там могло быть подсмеивание над какими-то нюансами современной жизни, что нам уже непонятно.

— Ну а как же Лев Николаевич Толстой? У него все предельно серьезно.

— Наверное, Лев Николаевич — одно из редчайших исключений из этого правила. Это был человек открытого пафоса. В то же время Солженицын, являющийся фигурой того же эстетического и этического направления, обладает необычайно сильным даром сарказма.

— Не опасаться ли ты, что со временем из твоих стихов, как и из гомеровских поэм, ирония улетучится? И придется писать к стихам комментарии, где придется объ-

ветствовать ожиданиям зала. Это касается не литературных вечеров, где я абсолютно свободен, а когда выступаешь на эстраде в сборном концерте, где аудитория интеллектуально не перегружена. Я это учитываю и читаю, что попроще. Но все это стихи, которых я абсолютно не стыжусь.

— Бывают ли проколы на концертах, чтобы публика свистела, ногами топала?

— Однажды в Крыму, лет семь назад... У меня оптимальное время пребывания на площадке 10—15 минут, таков запас стихов, которые находят отклик аудитории, но устроитель концерта попросил, чтобы я почитал побольше — минут тридцать. Я читаю, и через некоторое время двое пьяных, которые оказались в зале, начали что-то неодобрительно выкрикивать, потом стали подсвистывать. Я не борец по натуре, не могу подламывать аудиторию. Дико расстроившись, махнул на все рукой и ушел.

И вот сижу я за кулисами, ожидаю, когда же

ги». Я там этаким штатный поэт-правдоруб, который читает стихи на злобу дня. Так что я теперь раз в неделю пишу поэтический отклик на события недели.

— Значит, политика тебя интересует?

— Она меня интересовала всегда. В какой-то момент, правда, она перестала меня занимать как предмет поэтической рефлексии. Ну а сейчас этот затаившийся во мне микроб проснулся вновь.

— Так с чем же связана новая волна рефлексии? Власть обидели? Обманули?

— Конечно, сейчас схлынула волна перестроечной эйфории. Но я считаю, что проживаю не худший этап своей жизни. Да, выяснилось, что нас обманули. Но это фатальная ситуация. Просто страна такая, она всегда будет проваливаться из одной ямы в другую. Но все равно это лучше, чем было раньше: сейчас я принадлежу себе. Тут можно жить. У меня даже есть некоторый оптимизм, связанный с тем,

гоплательщики не обязаны кормить поэтов.

— Не дышат ли молодые в затылок, не грозят ли сбросить с парохода?

— По-моему, сейчас у нас в литературе ситуация вполне цивилизованная. Никто никого не топчет ногами. К счастью, прошли те времена, когда вначале перестройки все начали пинать шестидесятников. Противно было на это смотреть. Лично у меня, кроме благодарности, ничего к ним нет.

— Благодарности в связи с чем?

— В связи с тем, что я формировался на их произведениях.

— А есть ли литераторы, которых ты не любишь?

— Я человек независтливый. В литературе вполне достаточно места для того, чтобы разойтись без ругани и склок.

Беседовал Владимир ТУЧКОВ

Фото Виктора СМОЛЬЯНИНОВА.

Концерт «ВМ»

Иртеньев Игорь